

Карта Африки и Сьерра-Леоне

Сьерра-Леоне

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Сьерра-Леоне любую историю рассказывают для того, чтобы поделиться знаниями, восстановить утраченную связь или переубедить слушателя. Мемуары Мариату выполняют сразу все три задачи. Миру не хватало именно такой истории, напоминающей о силе и стойкости человеческого духа.

«Вкус манго» — необычное, изложенное с пугающей честностью повествование о том, как двенадцатилетняя девочка стала жертвой одной из самых жестоких войн XX века. Это история о том, как девочка уцелела в той войне, лишившись не только детства, но и обеих рук. Ей пришлось научиться жить без них. Каково не иметь возможности вытирать собственные горькие слезы? Как вставать без помощи рук? Об этом и многом другом говорит Мариату в своей повести о потерянной невинности, о предательстве и об исцелении в страшные, лихие времена. Она

описывает скромность, культуру, дружелюбие сплоченных жителей деревни в самом сердце Сьерра-Леоне; показывает, как война разожгла тлевшую в нашем обществе искру подозрительности и недоверия, когда сосед ополчился на соседа, брат на брата, сын на отца.

Эта пронзительная и по-прежнему актуальная история изложена простым языком, который отражает невинность Мариату и силу ее желания поведать миру о страданиях детей, угодивших в жернова войны. «Говорить о войне трудно, но, если уж начала, нужно довести дело до конца», — сказала мне Мариату во время нашей встречи в апреле 2007 года. Думаю, этот принцип она применяет к каждому аспекту своей жизни.

Глядя в светящиеся радостью глаза Мариату, не верится, что однажды она запретила себе чувствовать. Встреча с этой потрясающей девушкой в корне меняет представление о жертвах войны. СМИ любят рассказывать об их травмах и увечьях, но умалчивают о способности восстанавливаться и сохранять человечность.

История Мариату — реалистичный пример того, что значит быть и бойцом, и жертвой; что значит изменить себя, чтобы и дальше жить полной жизнью.

Я очень рад, что благодаря этой книге с Мариату познакомится весь мир.

*Ишмаэль Бих
июнь 2008 года, Нью-Йорк*

ГЛАВА 1

Меня зовут Мариату, вот моя история.

Начинается она в год, когда мне исполнилось одиннадцать. В ту пору я вместе с дядей, тетей и кузнецами жила в Сьерра-Леоне, в маленькой деревушке.

У сестры отца Мари и ее мужа Али я жила с младенчества и ласково называла их *йа* (мама) и *па* (папа). В сельских районах Сьерра-Леоне детей часто растят не мать с отцом, а родня. Как и большинство деревень страны, наша Магборо была крошечной: в ней жило человек двести. Домов с глиняными стенами и деревянными или жестяными крышами было восемь. В каждом обитало по несколько семей. Взрослые спали отдельно в маленьких комнатах, а все дети — в большой, которую называли гостиной. Жильцы помогали друг другу: хозяйство вели вкладчину, женщины сообща готовили, а мужчины чинили крыши. Ну а мы, дети, вместе играли.

В школу никто из местных не ходил. Как и остальные жители Магборо, наша семья была очень бедной. «Ты должна помогать нам в поле», — твердила Мари. Дети из семей и деревень побогаче иногда проезжали Магборо по пути в школу. Некоторые из них даже учились в частных школах Фритауна, столицы Сьерра-Леоне. При встрече с такими счастливыми я грустила. Мне очень хотелось своими глазами увидеть, что такое большой город.

Лет с семи, когда я достаточно выросла, чтобы носить на голове пластмассовые кувшины с водой и корзины с кукурузой, по утрам я отправлялась на ферму неподалеку от Магборо обрабатывать поля или убирать урожай. Землевладельцев в деревнях не было: мы работали на ферме сообща и каждые четыре года чередовали посевы, выращивая то кассаву (она похожа на картофель), то арахис, рис, перец или батат.

Не всех обитателей дома Мари и Али связывало кровное родство, но мы считались одной семьей и называли друг друга дядями, тетями, братьями и сестрами. Мохамед и Ибрагим, два моих двоюродных брата, уже жили в деревне, когда я совсем крохой появилась у дяди и тети.

Мохамеду было лет семнадцать — точнее сказать не могу, потому что жители Магборо не от-

считывают возраст и не отмечают дни рождения. Полный, с пухлыми щеками и бархатными глазами, Мохамед смешил людей при любом удобном и неудобном случае, даже на похоронах. Когда в деревне кто-то умирал, жители Магборо, как правило, три дня проводили в скорби. В это время никто не работал: мы сидели взаперти, и взрослые плакали и причитали. А Мохамед приходил в гости и шутил над чужими слезами:

— Вот услышат мертвые, как вы рыдаете, вернуться сюда призраками и вселятся в ваши тела.

Скорбящие оторопело смотрели на него, а Мохамед чуть тактичнее добавлял:

— Они умерли, потому что пришло их время. Им вовсе не хочется, чтобы вы оплакивали их до конца своих дней.

Мохамед был добрым и мягким. Когда еды не хватало, он отдавал свою порцию мне или другим малышам, приговаривая: «Ешь-ешь, ты же кроха, тебе расти нужно!»

Ибрагим отличался от Мохамеда абсолютно во всем. Высокий и худой, он был примерно на год старше брата и обожал командовать. Когда мы работали на ферме, Ибрагим вечно указывал мне и остальным детям, что делать. Если мы

не слушались, он в бешенстве пинал лопату или ведро или просто уходил прочь.

У Ибрагима случались приступы: тело начинало дергаться, глаза стекленели, изо рта текла пена. Много лет спустя, после переезда в Северную Америку, я узнала, что такая болезнь называется эпилепсией.

Жилось в Магборо весело: по деревне бегали козы, под ногами путались куры. После обеда я играла в прятки с кузенами и друзьями. Одну из моих подруг тоже звали Мариату. Со дня знакомства мы с ней стали не разлей вода. То, что мы тезки, казалось нам очень смешным; мы с ней вообще много смеялись. Едва оказавшись на ферме, мы с Мариату упросили родных позволить нам работать рядом, чтобы не расставаться ни на минуту. Вечерами мы плясали под бой барабанов и пение соседей. Не реже раза в неделю вся деревня собиралась на представление. Когда подходила моя очередь выступать, я наряжалась в затейливый красно-черный костюм и изображала дьявола. Сперва я танцевала, а потом гонялась за зрителями, стараясь хорошенько их напугать.

Родителей я видела нечасто, но в десять лет отправилась погостить в Йонкро, деревню, где они жили. Однажды после ужина мы сидели на улице, и папа

рассказывал, что было со мной до того, как я попала к его старшей сестре. В небе ярко светили звезды и луна. Из кустов доносился стрекот длинноногих кузнечиков, а в воздухе витали ароматы ужина — жареного перца, риса и курицы.

— Тебе повезло с самого рождения, — сказал папа, покуривая длинную трубку. — Ты появилась на свет в больнице, — продолжал он. Я знала, что для нашей деревни это необычно. — Твоя мама курила сигареты, причем курила много, и перед самыми родами у нее начались судороги и открылось кровотечение. В больнице сестры дали тебе специальное лекарство для глаз. Если бы не оно, ты осталась бы слепой.

Я содрогнулась, представив, как бы мне тогда жилось.

По словам отца, день моего рождения выдался холодным и дождливым.

— Это хороший знак, — улыбнулся папа. — Роды или свадьба в холод — большая удача!

На жизнь он зарабатывал охотой, а дичь продавал на рынке соседнего городка, куда возили свой урожай и крестьяне. Похоже, охота у папы не ладилась, потому что, если верить тете Мари, денег у него не водилось. Еще я знала, что папа вечно наживает

себе проблемы и то дело попадает в тюрьму. Тюрьмой у нас называли большую клетку с деревянными прутьями, которая стояла в центре деревни, чтобы каждый мог поглазеть на преступника.

В Сьерра-Леоне девочки большую часть времени проводят с женщинами и другими девочками, а не с отцами, дедами и дядьями. Разговаривать с папой было очень приятно, и я внимательно слушала его рассказ о том, как меня отдали Мари и Али.

Как и у многих мужчин в Сьерра-Леоне, у папы было две жены. Старшую звали Сампа, а младшую, мою мать, — Аминату. До моего появления на свет Сампа родила двух мальчиков. Они оба умерли, не прожив и года. Когда Сампа забеременела в третий раз, папа заранее попросил Мари взять ребенка себе. Он надеялся, что благодаря этому малыш выживет. Мой сводный брат Сантиджи родился тремя годами раньше меня.

Вскоре после того, как Сантиджи отправили жить к Мари, моя мать забеременела моей старшей сестрой. Сампе это не понравилось: она ревновала к женщине, желавшей заполучить все внимание моего отца. Поэтому после рождения моей сестры Сампа принялась слезно просить моего отца, чтобы Сантиджи вернулся и жил с ними.

Мари была любимой папиной сестрой. По его словам, сперва он не хотел забирать у нее Сантиджи, опасаясь расстроить Мари. Но в итоге все-таки забрал, потому что слезные уговоры Сампы сменились злостью. Она ругалась с папой, пока Сантиджи не вернулся к родителям.

Мари и правда очень огорчилась, и тогда моя мама, желая угодить мужу и его сестре, пообещала отдать ей ребенка, которого ждала.

— Не знаю, девочка у меня будет или мальчик, но ребенок останется у тебя навсегда, — сказала ей мама. — Можешь считать младенца своим.

Меня отдали Мари, едва оторвав от материнской груди. По причине, которую не смог вспомнить даже папа, через три года Сампа снова отправила Сантиджи к золовке. Мы со сводным братом отлично поладили: спали рядом на циновках из соломы, ели из одной большой тарелки, мыли друг другу спину в реке. Став чуть старше, мы с Сантиджи постоянно друг над другом подшучивали. Но через три года Сампа снова решила забрать сына. Он не хотел уезжать, я не хотела с ним расставаться, но нам с Мари пришлось вернуть мальчика родной матери.

К тому времени, как я приехала навестить родителей, ревность довела мою маму и Сампу до крупных

скандалов. Причины ссор не всегда удавалось понять: слишком уж громко и быстро говорили противницы. Вдобавок они дергали друг друга за волосы, пинались, плевались. Когда такое случалось в доме, мы с Сантиджи отползали к стене и наблюдали за драчунями, вытаращив глаза и зажимая рты ладонями, чтобы не расхохотаться. Схватка двух взрослых женщин — зрелище уморительное: грудь вздымается, платья задираются чуть ли не до пояса, глаза сверкают... Глядя, как бьются мама с Сампой, я радовалась, что живу у тети, и мечтала о том, чтобы и Сантиджи рос у нее.

Через несколько месяцев после нашего с Мари возвращения в Магборо пошли слухи, что Сантиджи болен. Якобы живот у него раздулся, как у беременной. От слабости он не мог даже с постели встать. Знахарки давали ему разные снадобья, но ничего не помогало. На этот раз у отца уже не нашлось денег на больницу. Сантиджи умер дома посреди ночи.

После его смерти со мной случилось нечто странное. Я шла по деревне и вдруг услышала, как брат зовет меня. Обернулась, но никого не увидела. В следующем году то же самое повторялось несколько раз. Оставалось только гадать, не следил ли дух Сантиджи за мной таким образом.

Тем вечером в Йонкро папа прервал рассказ о моем раннем детстве, потому что в центре деревни местные дети завели песню под барабанный бой. Жители деревни собирались допоздна петь, плясать, рассказывать истории и сплетничать, совсем как мы каждую неделю в Магборо.

— Спасибо! — шепнула я отцу. Он кивнул в ответ, встал и отправился в хижину к остальным.

Самую младшую дочь Мари звали Адамсей. Совсем маленькой она отправилась жить к бабушке, а к нам вернулась, когда ей было десять, а мне лет семь. Тогда-то я начала понимать, почему моя мать и Сампа так завидовали друг другу. Меня ужасно злило, когда Адамсей доставалась новая одежда или больше еды.

— Она твоя родная дочь, ты любишь ее больше! — кричала я Мари.

— Неправда! — протестовала тетя, а если я продолжала жаловаться, она теряла терпение и хватала *тамалангбу*, плетку из высокой плотной травы, которая растет повсюду. — Не ври! Это неправда! — приговаривала Мари, хлеща меня по попе.

Невзирая на зависть, иметь сестру мне нравилось. Адамсей всегда относилась ко мне хорошо, даже если

я вредничала. Нередко она делилась со мной едой и помогала зашивать юбки, порванные во время игры.

В год, когда я навещала родителей, выяснилось, что друг Али по имени Салью хочет на мне жениться. Салью был не из нашей деревни, но у нас жили его родственники, поэтому он часто приезжал в гости. Однажды я играла с другими детьми, а он подошел близко-близко и, обжигая мне щеку горячим дыханием, объявил:

— Когда вырастешь, возьму тебя замуж.

Я перепугалась, а когда Салью отошел, побежала за Адамсей.

— Что этому старику от меня нужно? — спросила я, разыскав сестру.

— Может, он хочет тебя поцеловать, — засмеялась она.

— Фу, гадость какая!

Продолжая смеяться, Адамсей заявила, что могло быть и хуже:

— Тебя могли выдать за Абу.

Мы захихикали, представляя себе старого вдовца из Магборо, который день-деньской сидел в тени своей хижины и смотрел в землю. Впоследствии у нас с Адамсей появилась новая забава: мы вспоминали

деревенских мужчин и подбирали им в пару девчонок. Адамсей я «светла» с деревенским главой (в Магборо он считался кем-то вроде мэра) — высоким тощим стариком, у которого уже была большая семья.

Через несколько дней после разговора со мной Салью и его родители пришли потолковать с Мари и Али. Нас с Адамсей отправили играть на улицу, хотя уже стемнело, а утром нам надо было спозаранку идти на ферму. Мы прокрались к окну и вытянули шеи, чтобы подслушать, но ничего не вышло: в доме говорили слишком тихо.

Утром, когда мы сажали батат, Мари отвела меня в сторону и объявила, что Салью хочет взять меня второй женой.

— Свадьба состоится через несколько лет, — сухо сказала она.

— Не хочу я замуж за Салью! — заартачилась я.

— Мариату, он друг моего мужа. — Мари перестала сажать овощи и строго взглянула на меня. — Если не найдешь никого другого, выйдешь за него.

Как ни странно, другой кандидат нашелся довольно скоро. В соседней деревне жил милый парень Муса, всего на пару лет старше меня. Его семья работала на той же ферме, поэтому мы были знакомы с самого детства, когда занимались посадками. А еще

Муса с родителями приходил в Магборо вечерами петь и танцевать.

Как-то раз после обеда мы с Мусой устали вскапывать землю, сели отдохнуть рядом и разговорились. Посплетничав о других детях, мы пошли купаться и весело брызгались друг в друга, а потом сидели на берегу, опустив ноги в прохладную воду реки. Так у нас и повелось: мы заканчивали работу пораньше, болтали, плавали и снова болтали. Мне нравилось быть рядом с Мусой: по телу растекалось приятное тепло.

Однажды Муса взял меня за руку и сказал:

— Когда подрастем, мы с тобой поженимся и заведем детей.

Я передала его слова Мари, но она раздраженно заявила:

— Отец Мусы — человек богатый, он не позволит сыну жениться на бедной девушке.

У меня засосало под ложечкой, но я прикусила язык: детям в Сьерра-Леоне запрещено перечесть взрослым. В тот вечер перед сном я долго плакала, старательно пряча лицо, чтобы не показывать слезы Адамсей.

На следующий день, встретив Мусу на ферме, я перехватила его взгляд и улыбнулась. «Вот увидит

его отец, как мы счастливы, и даст согласие на наш брак», — сказала я себе. Вспомнилось, как папа говорил о моем везении. «Может, мне снова улыбнется удача», — думала я.

Но потом в нашу жизнь ворвались мятежники, и все изменилось.

Перемены начались в сезон засухи, когда мне исполнилось одиннадцать. В Сьерра-Леоне пришла война, и наш деревенский глава услышал, что жестокие повстанцы, которые громят деревни и убивают людей на востоке страны, движутся в сторону Магборо. Мятежники хотели свергнуть правительство, которое обвиняли в коррумпированности и нежелании помогать народу. Среди воюющих попадались представители разных племен Сьерра-Леоне, включая наше племя *темне*. Я не понимала, зачем повстанцам убивать бедняков и занимать наши деревни, зачем им отнимать у нас еду и спать в наших хижинах, но, судя по всему, именно этим они и занимались.

Как только появлялись слухи о приближении мятежников, деревенский глава приказывал всем жителям Магборо бежать в буш¹. В первый раз мы

---

¹ Некультивированные территории, обычно поросшие густым кустарником. — *Здесь и далее примеч. пер.*